

CLÉMENT MAROT
(1495–1544)

A MADAME DE FERRARE

Me souvenant de tes bontez divines
Suis en douleur, princesse, à ton absence;
Et si languy quant suis en ta presence,
Voyant ce lys au milieu des espines.

Ô la douceur des douceurs femenines,
Ô cueur sans fiel, ô race d'excellence,
Ô traictement remply de violance,
Qui s'endurçist pres des choses benignes.

Si seras tu de la main soustenue
De l'eternel, comme sa cher tenue;
Et tes nuyans auront honte et reproche.

Courage, dame, en l'air je voy la nue
Qui ça et là s'escarte et diminue,
Pour faire place au beau temps qui s'approche.

КЛЕМАН МАРО
(1495–1544)

ГЕРЦОГИНЕ ФЕРРАРСКОЙ

На добродетели твои, принцесса,
Молюсь я, загрустив с тобой в разлуке.
При наших встречах вновь терплю я муки,
О лилия в колючей чаще леса.

О женственность божественней, чем месса,
О сердце, чуждое завистой скуки,
О мужнин гнев жестокий, близорукий,
О слепота супруга-мракобеса.

Господь не стерпит твоего позора
И руку помощи тебе, синьора,
Подаст, дабы угасла злость слепая.

На небе грозовом бледна Аврора.
Приободришь и знай, что тучи скоро
Умчатся, место солнцу уступая.

LOUISE LABÉ
(1524-1566)

* * *

Je vis, je meurs; je me brûle et me noie;
J'ai chaud extrême en endurant froidure:
La vie m'est et trop molle et trop dure.
J'ai grands ennuis entremêlés de joie.

Tout à un coup je ris et je larmoie,
Et en plaisir maint grief tourment j'endure;
Mon bien s'en va, et à jamais il dure;
Tout en un coup je sèche et je verdoie.

Ainsi Amour inconstamment me mène;
Et, quand je pense avoir plus de douleur,
Sans y penser je me trouve hors de peine.

Puis, quand je crois ma joie être certaine,
Et être au haut de mon désiré heur,
Il me remet en mon premier malheur.

ЛУИЗА ЛАБЕ
(1524–1566)

* * *

Я умираю вновь и вновь живу,
Я, чувства обнажая, чувства прячу,
Под знойным солнцем мерзну и в придачу
Сплю и не сплю во сне и наяву.

Позор уподобляю торжеству,
Смеюсь от горя, от восторга плачу,
Я в неудачах нахожу удачу,
Ищу на ветке высохшей листву.

Любовь меня навек лишила воли:
Растет ежеминутно боль моя,
Но миг — и вновь не чувствую я боли.

Когда же думаю о лучшей доле,
К знакомым бедам возвращаюсь я,
И снова от страданий нет житья.

* * *

Ne reprenez, Dames, si j'ai aimé,
Si j'ai senti mille torches ardentes,
Mille travaux, mille douleurs mordantes.
Si, en pleurant, j'ai mon temps consumé,

Las! que mon nom n'en soit par vous blâmé.
Si j'ai failli, les peines sont présentes,
N'aigrissez point leurs pointes violentes:
Mais estimez qu'Amour, à point nommé,

Sans votre ardeur d'un Vulcain excuser,
Sans la beauté d'Adonis accuser,
Pourra, s'il veut, plus vous rendre amoureuses,

En ayant moins que moi d'occasion,
Et plus d'étrange et forte passion.
Et gardez-vous d'être plus malheureuses!

* * *

Сударьни, мне горек ваш упрек:
Да, я безумной полыхала страстью,
К любовному привыкнув самовластью,
Ни слова не сказала поперек!

Ах, кто б меня от сплетен уберег!
Прошу, взывая к вашему участию,
Не трогать стрел, которые, к несчастью,
Мне в грудь вонзил Амур, слепой царек.

За красоту Адонису пеняя,
Вулкана понапрасну обвиняя,
И вы сгорите от его огня!

Но бойтесь оказаться с худшей раной:
Смотрите, как бы вам от страсти странной
Не сделаться несчастнее меня!

PIERRE DE RONSARD
(1524–1585)

* * *

Les Villes et les Bourgs me sont si odieux,
Que je meurs si je voy quelque tracette humaine:
Seulet dedans les bois pensif je me promeine,
Et rien ne m'est plaisant que les sauvages lieux.

Il n'y a dans ces bois sangliers si furieux,
Ny roc si endurci, ny ruisseau, ny fontaine,
Ny arbre tant soit sourd qui ne sçache ma peine,
Et qui ne soit marry de mon mal ennuyeux.

Un penser qui renaist d'un autre, m'accompaigne
Avec un pleur amer qui tout le sein me baigne,
Travaillé de souspirs qui compaignons me sont:

Si bien que si quelcun me trouvoit au bocage,
Voyant mon poil rebours et l'horreur de mon front,
Ne me diroit pas homme, ains un monstre sauvage.

ПЬЕР ДЕ РОНСАР
(1524–1585)

* * *

Постылы мне дома и грохот городской,
В пустынные места я ухожу все чаще,
Мне дорог дикий лес, приветливо молчащий,
И я бегу, едва замечу след людской.

Во всех моих лесах пичуги нет такой,
Нет вепря хищного во всей угрюмой чаще,
Бездушной нет скалы, протоки нет журчащей,
Не тронутых моей убийственной тоской.

Приходит мысль одна, за ней тотчас другая,
Слезами горькими мне душу обжигая,
А стоит на людей случайно набрести,

Любой прохожий прочь бросается, не веря,
Что человека он увидел на пути,
А не свирепого взъерошенного зверя.

* * *

Si j'estois Jupiter, Marie, vous seriez
Mon espouse Junon: si j'estois Roy des ondes,
Vous seriez ma Tethys, Royne des eaux profondes,
Et pour vostre maison les ondes vous auriez.

Si la terre estoit mienne, avec moy vous tiendriez
L'empire sous vos mains, dame des terres rondes,
Et dessus un beau Coche en belles tresses blondes,
Par le peuple en honneur Deesse vous iriez.

Mais je ne suis pas Dieu, et si ne le puis estre.
Le ciel pour vous servir seulement m'a fait naistre,
De vous seule je prens mon sort aventureux.

Vous estes tout mon bien, mon mal, et ma fortune.
S'il vous plaist de m'aimer, je deviendray Neptune,
Tout Jupiter tout Roy tout riche et tout heureux.

* * *

Будь я Юпитером, была бы ты Юноной,
Вздымайся над дворцом моим соленый вал,
Мария, Тефией тебя бы я назвал
И океанскою украсил бы короной.

Будь я царем, а ты царицею законной,
На быстрых скакунах, пьянея от похвал,
Ты проносила бы, и ветер бы взвивал
Златые волосы перед толпой склоненной.

Но я не бог, не царь, и жребий мой иной:
Я создан, чтоб служить, служить тебе одной,
Любой твой приговор сочту я справедливым.

Ты жизнь моя и смерть, печаль и боль моя,
Ты только полюби — Нептуном стану я,
Юпитером, царем, богатым и счастливым.

* * *

Soit que je sois haï de toy, ma Pasithée,
Soit que j'en sois aimé, je veux suivre mon cours:
J'ay joué comme aux dets mon coeur et mes amours:
Arrive bien ou mal, la chance en est jettee.

Si mon ame et de glace et de feu tormentee,
Peut deviner son mal, je voy que sans secours,
Passionné d'amour, je doy finir mes jours,
Et que devant mon soir se clorra ma nuittee.

Je suis du camp d'Amour pratique Chevalier:
Pour avoir trop souffert, le mal m'est familier:
Comme un habillement j'ay vestu le martire.

Donques je te desfie, et toute ta rigueur:
Tu m'as desja tué, tu ne sçaurois m'occire
Pour la seconde fois: car je n'ay plus de coeur.

* * *

Возненавидишь ты меня, моя Аглая,
Или полюбишь вдруг, — не все ли мне равно?
Как в кости, сердцем я играю и давно
Последней ставки жду, пощады не желая.

Страдает ли душа, как на костре, пылая,
Закоченеть ли ей под снегом суждено,
В пророчествах любви читаю я одно:
Безвременный закат мне ночь готовит злая.

Под знаменем Любви я вечный паладин,
Так горько не страдал, должно быть, ни один
Великомученик — привычно, как в доспехи,

Я в беды облачусь и вызову на бой
Свою обидчицу, уверенный в успехе:
Ты дважды не убьешь убитого тобой.

* * *

Trois ans sont ja passez que ton oeil me tient pris,
Et si ne suis marry de me voir en servage:
Seulement je me deuls des ailes de mon âge,
Qui me laissent le chef semé de cheveux gris.

Si tu me vois ou palle, ou de fièvre surpris,
Quelquefois solitaire, ou triste de visage,
Tu devrois d'un regard soulager mon dommage
L'Aurore ne met point son Tithon à mespris.

Si tu es de mon mal seule cause premiere,
Il faut que de mon mal tu sentes les effets:
C'est une sympathie aux hommes coustumiere.

Je suis (j'en jure Amour) tout tel que tu me fais:
Tu es mon coeur mon sang ma vie et ma lumiere:
Seule je te choisi, seule aussi tu me plais.

* * *

Вдыхатель вечный твой, я третий год в плену
У этих милых глаз, но в сердце нет печали,
Лишь крылья старости порою докучали,
По волосам моим рассыпав седину.

И если я бледнеть и тосковать начну,
Ты вспомни, как легко, как ласково вначале
Любую боль мою глаза твои смягчали:
Тифон за кроткий нрав боготворил жену.

И если ты одна в моей повинна боли,
Найди в душе своей хоть чуточку тепла,
Что свойственно сердцам людским: я поневоле

Давно такой, каким меня ты создала, —
Ты кровь моя и плоть, и жизнь, не оттого ли
Душа моя тебя в подруги избрала!